

Мария Тухватулина

Облачный букварь

Формаслов

Москва

2026

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Т91 Т91

Тухватулина, Мария

Облачный букварь / Мария Тухватулина. — М.:
Формаслов, 2026. — 136 с.

ISBN 978-5-6049777-9-8

*Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации*

*Автор благодарит
Российский союз профессиональных литераторов*

Новый сборник финалиста премии «Лицей» Марии Тухватулиной — это развернутое во времени высказывание. Стихи, написанные с 2012 по 2025 год, — письма из прошлого, обращенные к читателю и к самой себе. Поэзия «Облачного букваря» — это попытка уловить и расшифровать неуловимый шрифт времени, в котором смешались боль утрат и надежда, личное и общее, мир городского человека и царство природы.

ISBN 978-5-6049777-9-8 УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© М. Тухватулина, текст, 2026
© А. Маркина, обложка,
иллюстрации, 2026
© Формаслов, 2026

ОБЛАЧНЫЙ
БУКВАРЬ

Высказанный мир Марии Тухватулиной

Читая рукопись в ее начальной, еще безымянной стадии, я ловил себя на мысли, что поэзия Марии Тухватулиной обладает редким в наше стремительное время свойством — она заставляет остановиться, замереть и почувствовать тяжесть времени. Время — с его бесконечным течением, сменной сезонов, вехами церковного календаря, рубцами личных дат ощущается здесь физически: в тающем снеге за окном, в истлевающих записках от старых друзей, в бое часов в ночной тишине. Стихи «Облачного букваря» — это попытка уловить и расшифровать неуловимый шрифт времени, в котором смешались боль утрат и надежда.

*Полынь, пастушья сумка, лебеда...
Весь мир живет извечною надеждой.
Бывает неотвратною беда,
Но ведь и счастье тоже неизбежно.*

Пространство книги держится на двух опорах: глубокой укорененности в мировой культурной традиции и пристальном внимании к мимолетным деталям быта. Это мастерски организованное пространство, где слова не кричат, а звучат, обретая ясность и позволяя увидеть вечное в сиюминутном, а библейский или античный сюжет — в городском пейзаже.

*До весны полгода – ждать еще и ждать.
Зерна на ладони: три, четыре, пять.
Посреди ноября выцветают гудки телефонов
и черты фонарей.
Называйте меня
Пер-се-фо-ной.*

Мифологические сюжеты об Эвридике, Персефоне, сказочные архетипы Колобка или повзрослевшей Алисы оживают в этих стихах не как литературные цитаты, а как матрицы для осмысления современных трагедий и событий. Брэдбери, Набоков, «три стены да четыре стороны» ноябрьского бытия существуют в одном измерении, потому что говорят об одном – о любви, разлуке, вере и памяти. Память – «основа всего, всего сущего хорда» – еще одна ключевая тема книги. По Тухватулиной, память – это и тяжелый груз, и единственная защита от распада. Детство, «пахнущее елочными иголками и мандаринами», первая любовь, лица ушедших – все это не просто вспоминается, а заново проживается в стихах, обретая хрупкую, но спасительную вечность. Высказанный Марией Тухватулиной мир рождается на пересечении искреннего голоса и чуткого слуха и становится достоянием каждого, кто способен его услышать. С помощью «Облачного букваря» Мария говорит с нами о том, как оставаться человеком «в метельной ночи», как находить силы ждать чуда, когда «разлука с чудесами» становится привычным состоянием. Ее стихи

трагичны, но не безнадежны. В них живет убеждение, что даже сквозь самую густую тьму обязательно пробьется луч — будь то свет Рождественской звезды или простое человеческое «здравствуй». Пожелаем Марии, чтобы ее «Облачный букварь» был внимательно прочитан и по достоинству оценен.

Александр Переверзин

ПОЧЕРК ВРЕМЕНИ

Билибинское

Чего боишься — то тебя и манит.
Огарок свечки в штопаном кармане,
Собрать в платочек крошки кулича.
Когда зашьешь живую из ключа,
То мертвая польется сквозь воронку.

Чего желала — то тебя и сгложет,
Раз милый морок был тебе дороже,
Чем мир живых. Деревья обступают.
Как крашенку, с души обколупают
Что нажито. Где рвется, там и тонко.

Что отпустила — то с тобой навечно:
Родной очаг, мальчишка бессердечный...
Так вьется нить волшебного клубка —
Все дальше в лес, тропую колобка,
Пока из рук не выскользнет концовка.

Псалом 22

Что в Сочельник снегом не засыплет,
То в апреле ветром унесет.
Слов не разобрать под слоєм пыли:
«Аще бо», «ничтоже мя», «пасет».
Что еще? – Присяду у окошка,
По странице пальцем проведу...
Там, где рос зелененький горошек,
Год шальной посеял лебеду.
Но летят над реками, лесами
Лебеди. С тоской домашний гусь
Смотрит вслед. В разлуке с чудесами
Я хотя бы зла не убоюсь.

24.03

...За всех еще, с кем слушала «Пикник»,
С кем в юности ходила на концерты.
Подснежник, чуть проклюнувшись, поник,
Весна моя жива на 5%.
Но плеер, что разрядится вот-вот,
Одну и ту же крутит нынче песню.
И тот, кто без звезды над головой,
Сквозь тьму пройдет
И в вечности воскреснет.

Что происходит с нами в ноябре
Помимо кутерьмы обмена снами?
В гирляндами увешанной норе
Переживать разлуку с чудесами,
Остывший чайник снова вскипятить,
Коту насыпать «вискаса» побольше,
Стоять, проснувшись около пяти,
У мерзлого окна. Какой хороший
Сюжет приснился. Будто никому
Снег первый не становится последним,
Следы не устремляются во тьму.
Меж крайностей разжиться чем-то средним,
Без тех, по ком скучаешь в ноябре,
Со всеми, кто откликнется в Сочельник.
За стеклами меж мутных фонарей,
Двор сторожащих, — ангел на качелях.

Богоявление

Река не замерзала: полынья —
Как зеркало небес, сквозная рана.
Пока не поздно — прочь от воронья,
От дел чужих, от синего экрана,

Чтоб чувствовать, что время потекло
Не вспять, но неудобным новым руслом,
Чтоб лезвие ли, острое стекло
В нем стало Словом, сказанным по-русски.

Там ангел перережет провода,
Задернет золотую занавеску.
И в тишине, наставшей навсегда,
Блокадный хлеб запьет водой крещенской.

Большая вода отступила,
но возле обочин стоит, —
наевшись дорожную пылью,
все реки стекают в Аид,
с приходом весны опустевший,
как сердце дожившего до.
В садах расцветают черешни,
умытые этой водой.
Что с неба слетающим звездам
до шороха ветхих страниц?
Хранят еще теплые гнезда
скорлупки пасхальных яиц.

Весна — шальное время перемен — земная ось дала заметный крен.

Ждут солнышка брусчатка площадей, упавший в землю — стало быть, ничей —

каштана плод, бездомный драный кот.

Нам бесприютно здесь и без наркот...

Мы зимовали вместе как могли, ночами тычась в пятые углы.

Мы в окна забывали посмотреть — и в комнату заглядывала Смерть.

Костлявый перст накладывал табу на право выбирать свою судьбу.

Бездонна сфера грозных высших тайн.

Я все твержу: «Восстань, душа, восстань».

Как в рацию: «Услышь,

услышь,

услышь.

Нас звезды дразнят вслух, пока Ты спишь».

Покуда не привык стыдиться слез, ищущему ответ на каверзный вопрос.

Мне кажется, весенний первый дождь оплакивает нежно чью-то дочь,

ладонь целует чьей-нибудь вдовы, иссякнувшим черпнет своей воды.

А ветер, протыкающий пальто, жалеет засыпающих вальтом

в последний раз,

подует — жжется йод.

Пора вставать — мы знали наперед.

Побудь же обесточенной, пустой —

от хрустнувшей снежинки до Страстной.

Почерк времени

Записки от старых друзей
Истлеют — но не до конца.
Ты в памяти носишь музей,
Он четче на пальце кольца.
Как будто любой календарь
Готов перепутать листы.
Вот Пасха, а вот Коляда,
Вот ближнего время простить.
У времени почерк врачей,
Который так трудно понять,
А в доме все меньше вещей,
Которые старше меня.

Как высоко ворона вьет гнездо —
Из глины, веток, ветоши замшелой.
Сервизом разживаться не резон —
Брошюрным переплетом Мэри Шелли
Утешится хозяйка. Ветер нес
Цветные лоскуты — все мимо, мимо.
Учувя вора, лает чей-то пес,
Но гость ночной прослыл неумолимым.

Что человек с любовью собирал —
Салфетки, блюдца, детские рисунки —
Все признаки уюта и добра
Он унесет в большой беззвездной сумке
И сохранит в чулане до поры,
До времени небесной барахолки.
Постой, душа — стеклянные шары,
Смолистый запах елочных иголок.

Ты знала, что другие есть края,
Где цитрус солнца соком так и брызжет
На пыльных блюдец круглые края,
На залежи тряпья и старых книжек?
Как будто бы изъятием зимы
Решаются извечные вопросы:
Придешь просить у вечности займы,
А на порог не пустят с красным носом.

Как будто наблюдают свысока —
Как бережем, впустую тратим силы,
Пока не переполнится стакан,
Покажутся по снегу апельсины.

Снег в окне

Наступленье зимы — как невинный предлог
для строки.
Не придет, нам казалось — и вот замело, зазвенело.
Слышишь, дети ликуют. Сквозь стекла глядят
старики:
ждут, что будет звезда.
От нее до воскресшего тела
меньше взмаха крыла. Это время пойти в магазин.
Всякой много халвы, но прилавок не помнит
кофейной.
Керамический ангел — на елку б его водрузить,
любоваться, беречь от разбойничьих лап котофея.
Или просто вино — для того, кто увидит в окне
то ли слабенький свет, то ли отблеск чужого
салюта.

Мир, казалось бы, гибнет в котором по счету огне,
но в метельной ночи вновь волхвы погоняют
верблюда.

Потому что, Господи, нынче Рождество,
Я себя и вечности чувствую родство.
Будто в детстве — сказочно елочка горит,
Но шуршат настойчиво в ночь календари.

А за занавеской ангел без крыла.
У него есть дудочка, у меня — юла.
Только не заладилась странная игра.
Что до райской музыки — поздно помирать.

Ангел в белых варежках сядет на сугроб.
Бармен в чашку капают розовый сироп.
У тебя есть скрипочка, у меня — стихи.
Но не можем выступить — или не хотим.

Слышно — сердце мечется, а мороз скрипит.
Ангелы истерику держат на цепи.
Время милосердия: вот моя душа —
Две ириски, искорка, полкарандаша.

Потому что, Господи, как ни назови,
Пузырьки шампанского у меня в крови:
Будто свитер колет, а его не снять.
Каждому забытому — ласкового сна.

Все салюты пущены ввысь под Новый год,
В Рождество без песенок водят хоровод
Ангелы и прочие. Баюшки-баю.
Как умею верую, как могу люблю.

Когда уже не веришь в волшебство,
То Новый год — не более чем дата.
Когда же ты отыщешь праздник свой
В сугробе из лежалых комьев ваты —
От зайца шоколадный Дед Мороз,
Колючий свитер, связанный бабулей?
Как будто в сказку верили всерьез,
А нас потом жестоко обманули.
Развешанной по дому мишуре
Не заслонить того, что пред глазами.
Смолистой ветке, рыжей коже,
Словам, которых снова не сказали,
Дано украсить, но не починить
Реальность, раздербаненное сердце,
Но меж времен протянутую нить
Нащупать — как у печки отогреться.

До Рождества

Эти дни темноты и сырости,
обнаженности и прозрачности
утверждают: жизнь всем исполнена,
кроме ясности, однозначности.

И не солнечно нам, а солоно,
стало празддно, а было празднично.
Три стены да четыре стороны:
в ноябре каждый домик — пряничный,

а снаружи — почти черничная,
нет — чернильная больше мгла.
Но звезда потеснит вторичное,
чтобы встать во главе угла.

Время.net

И лист был бел, и кофе остывал.
Здесь замерли не стрелки — сами мысли.
Я знала, что часы не круг — овал:
Я трогала руками коромысло
Вне стен музейных, цеп, веретено.
Я с дисковых звонила телефонов.
Гораздо больше, чем обретено,
Утрачено — размазано по фону
Все то, к чему стремилась бы душа
Меж временною Родиной и небом:
Жить, наперед не зная ни шиша,
Лишь то, что все — заведомая небыль.

Ане Ланской

Сестры по словесному оружию,
плаваются патроны — все на воздух.
Из чего плетется это кружево?
Хроники дождей, грибных и звездных.
Кончатся слова — и небо кончится.
Я считаю мелочь по карманам.
Кто мы — репортеры, переводчицы
Текста по ту сторону экрана?
Слов не хватит — ты достанешь кисти.
Я пойду на ощупь как слепая.
Сложно, выйдя в жизнь, остаться чистым,
Позолоту смысла колупая.
Страшно отдавать в печать — под общую,
Правды не желающую меру.
Анечка, ведь мы навряд ли ропщем —
Мы же до сих пор во что-то верим.

Осенний палимпсест

*...Лента новостная обернется
ленточкой в растрепанной косе.
Знали мы, откуда что берется,
видели кошмар во всей красе.*

Я не покидаю Вавилона,
мотылек от бара к фонарю.
Здесь никто не гордый, не влюбленный —
вдруг и я вот так перегорю?

*...Вырастут цветы вокруг воронок.
Для чего я в принципе живу?
Надо мной не вился вороненок,
Что мой сверстник видел наяву.*

*...Вместо гильз — конфеты по карманам.
Догорит мой внутренний Париж.
Вот тогда ты выйдешь из тумана,
вот тогда со мной заговоришь.*

Mutabor

Кем хочешь стань: разборчивой звездой —
Морской, небесной, вышитой на ситце,
Хоть птицей. Какаду там, козодой...
Живым растением, плюшевой лисицей,
Рыбешкой, зарывающейся в ил,
Луной, что смотрит с неба не моргая,
Степной травой по имени ковыль.
Но лучше человеком, дорогая.

БУМАЖНЫЙ МОСТ

Чудовище

Чудовища красивы. Их глаза
похожи на бездонные колодцы.
Чудовище, не зная, что сказать,
уходит от ответа
и смеется.

Так, привыкая к собственным чертам,
знакомится душа с неловким телом —
ответ на нежность — уголками рта,
зрачками — на просвет в конце тоннеля.

Чудовище не знает, что оно
при внешней мнимой хрупкости — жестоко.
В осенней акварельности тонов
так трудно оставаться одиноким.

Чудовище торопится забыть
и в то же время что-то тщится вспомнить.
Качаются фонарные столбы,
вселенная, лишённая опоры.

Вскипают волны, тает тонкий лед,
на счастье разбивается посуда.
Чудовище, нашедшее свое,
однажды сокращается до чуда.

Волчок

Так приходит волчок, не зная, кого кусать —
переходят впотьмах друг в друга черты лица,
умолкают в одном созвучии голоса: разбери лиса,
для чего засыпающих с краю караем.
Зажигалки и мелочь из их карманов —
вряд ли откуп зажравшимся слугам зла.
Подождут будильники и вокзал —
не ворчи «когда же», —
их разбросанные одежды
и невытертая посуда — знак того, что они отсюда.
След помады на пустом бокале.
Переполненная пепельница на балконе.
Кто из раковины лакает —
их оставит вот-вот в покое,
потому что — кого кусать?
И квартира на вид — пуста.
Даже если чуешь, что рядом — локоть,
марципан или свежие сливки плоти —
канонического края нет,
как у моря, что снится спящим.
Нежить ищет —
да не обрящет.
Забирает лишь горсть монет.

Про воду, сны и память

1

Пока летишь сквозь кроличью нору,
Успеешь отхлебнуть из каждой чашки,
Ввязаться с чьим-то призраком в игру
И даже сделать ход изящной шашкой,
Куснуть, когда надписано «Не ешь»,
Хихикнуть над ругательством наскальным,
Лишить покоя кукольный коттедж,
В пыли зеркал маячить волосами
И платьем, тем, что рвется не по швам,
Но прочь из моды — выдумай эпоху.
А разговор с собою по душам
Вмещает каждый спящий в четверть вдоха.

2

Однажды в сон приходит черный кот,
Которого нигде не доискались.
Он вновь мурчал под теплою рукой,
А боли нет — сгодится и усталость,
Чтоб вывести, с лихвою оплатив
И теплый кров, и ласковую кличку.
Как, не дозвавшись, жалко уезжать
И всхлипывать во чреве электрички.
Вернешься ли — ведь скоро холода,
Хоть полным блох, хоть с рваным в драке ухом?
Не зарекайся учат никогда
От двух вещей — и от езды кукухой,
Но я почти забыла про тебя,

Встречавшего ночами у калитки,
Чтоб памяти лоскут не тербя,
Подыскивая в цвет заплаткам нитки
И кружево — чтоб быть ни за кого
В своей любви дурацкой не в ответе:
Вполне себе и нравственный закон,
И повод жить на брошенной планете.
Отчаянных порою бережет
Не только приступ скорби или лени.
Во сне моем пушистый черный кот
У бабушки мурлыкал на коленях.

3

Так хорошо — практически на дне.
Во сне хотя бы выключен мобильный,
А стайка неосмысленных идей
Плывет на юг местами новой силы.
Затем и нужен этот водоем —
«Скучал ли я», «поужинать вдвоем», —
И что еще ты там мне не напишешь:
Я не прочту — и не возненавижу.
Весь город спит. И мы. Прием, прием.

4

Нырять так глубоко, чтоб стало слышно
«О-оу» от твоей забытой «аськи»,
В которую никто уже не пишет —
Удар по пальцам тоненькой указкой.
Чтоб лица, что остались лишь на снимках,
А то и вовсе фото не осталось.
Звонил будильник — каждую пружинкой,
Но твоего сознания не касаясь.

Что снится кошке? Город у воды.
Что не вода в том городе — то камень.
Ах, Крысолов, не вырони дуды,
Не трогай сна кошачьего руками
До времени. От плюшевых ушей
До задних лап под теплым одеялом,
Из созданных для рая шалашей
До тщетной траты стройматериала;
И мыши, что затихли по углам,
И чайки, что исследуют периметр:
Все знают, что дорога пролегла —
И облака распорота перина.

Ведь кошке снится город у воды...

Алиса, или куда уходит детство

Однажды дождливым утром Алиса проснулась взрослой.
В нехитрой системе жанров все сказки остались
в прошлом.

Алиса расчешет косы, и кто-то ей сварит кофе,
С годами стал как-то строже ее аккуратный профиль.

Алиса любима жизнью — по вазам бутоны лилий,
Пылятся на книжной полке Пелевин, Бальзак,
Тит Ливий...

Паланик сожжен бойфрендом, Коэльо — самой Алисой.
Они оба любят регги. Не любят соседи снизу.

И вроде бы все как надо — Алиса в ладах с мейнстримом,
Уверена — те, кто рядом, не пустят ей пулю в спину,
С учебой — и там порядок, сданы без проблем зачеты,
И среди облаков улыбку не чертит уже в блокнотах.

Ты помнишь их всех, Алиса? Боялся разлуки Чешик,
Вдоль края доски печально ходили слоны и пешки.
А Шляпник — того всех жальче, как знал —
не вернешься больше.
Уйдешь — и забудешь напрочь. Ты вырастешь,
если проще.

Когда-то читала мама, что так умирают сказки,
Когда в них не верим больше, когда надеваем маски.
Сказала: «Нет в мире чуда», — и книжка упала с полки,
Теперь поливай слезами, живою водой, что толку?

Того и боялся Шляпник, он знал, что убьет забвенье,
И зря заготовил с Соней к зиме для тебя варенье...
Пока ты наклеишь губы, истлеет дворец волшебный.
Ведь ты их не помнишь, правда? Ни капельки.
Совершенно.

Эвридика

Слишком часто просыпалась ночью.
Слишком крепкий кофе рано утром.
Слишком далеко ты... ну а впрочем,
Ты сейчас со мною рядом будто.

Я пытаюсь не грустить напрасно.
Жду весны и жду тебя... Немного
Мне, по сути, надобно для счастья,
Но и счастья в мире нет иного.

Правды вкус — как горькое лекарство,
Нам в нее порой поверить дико.
Лишь не оглянись в Подземном Царстве,
Чтоб не потерять, как Эвридику.

Еве

...А дорога, кривясь, все петляла
и на две, как коса, расплелась.
На распутье не ты ль умоляла,
чтобы Бог не распутывал нас,
пожалел чтоб хрустальные души,
трепет пальцев и кожу, что шелк?
Тесный ворот петлею вдруг душит,
если бред этот нежный прошел.
Но читаю в глазах присмиривших:
«Поищи же добра от добра...»
Да, пустое — тоска по ушедшим,
просто пусто в груди без ребра.

Сказка о море

Я умею только петь и плакать:
Много или мало — лишь на грани.
Соком брызжет солнечная мякоть —
Кровь заката по оконной раме.
Помню много сказок древних, тайных,
Но тебе одну лишь подарила.
Меру знаю — два предела крайних:
Ничего — и все богатства мира.
Слушай песню о бескрайнем море,
Как оно всю ночь кипело пеной,
Не жалело жемчуга и соли,
А к утру, как будто дар Вселенной,
Под ноги швырнуло мою душу,
Облизав волной песчаный берег.
Вот оно, шумит сквозь строчки.
Слушай.

Море волнуется

В городе утро.
И море волнуется раз.
Пусть оно плещется солью за тридевять станций.
Столько нечитанных книг — без фальшивого
глянца...
Море волнует — неслышно, незримо для глаз.

Пальцы сплетаются.
Море волнуется два.
Клавиатура давно отсчитала аккорды.
Память — основа всего, всего сущего хорда,
Ветром ворвется и сердца коснется едва.
Теплой ладонью как будто погладит по коже.
Море волнуется ТРИ!

.....

Волны бьются о двери прихожей.

Сон-трава

Сон-траву в лугах колышет ветер далеко от этих
серых стен.

Вот и мы теперь одни на свете, нами брошен самый
нежный плен.

А в лесу дубы обвиты хмелем, воздух веет пряною
мечтой.

Воплотить ее мы не посмели. И молчим. Секунда,
десять, сто...

Пахнет диким медом в поле солод... Здесь с тобой
напрасно солнца ждем,

Ведь любовь покинет этот город и оставит истекать
дождем...

Чай

А нежность — без дна и края, бушующий океан,
И эта стихия — чаем, в граненый простой стакан.
Берешь осторожно — пальцы стекла обжигает гладь,
И с кухни шагаешь тихо — чтоб на пол
не расплескать

Тепло, отогрелись руки, у кресла мурлычет кот.
А нежность — она безбрежна, но вне берегов
есть порт,
И люди к нему стремятся — и воздух, звеня,
дрожит...
— Ведь ты не исчезнешь, правда? Ты будешь
со мной, скажи?

Но тесно в стакане морю — и хлещет оно за грань.
И вот накрывают волны — и соли полна гортань.
А голос вдруг тише, глаже, и волосы мягче на
Плечах, позабывших бремя.
— Не ведает нежность дна!

Черные ящики

Зосе

Можно быть сколько угодно нужными,
но друг друга не знать настоящими:
где берем мы с тобою мужество,
чтобы ужинать с черным ящиком,
раздеваться пред черным ящиком...
Бортовой самописец сердца —
для того, кто не смог раскрыться,
шансы выжить равны нулю.
Сквозь помехи и скрежет датчиков
слышно только
«люблю», «люблю».

Книжное

Шуршат страницы. Им бы пожелтеть,
мерцать под треск витой обмякшей свечки,
чтоб воск твердел на кружеве манжет,
а отсветы качались на предплечьях.
Я собрала стихи под переплет,
чтоб вечно жить на чьей-то книжной полке.
Коль не по силам дальний перелет,
то птицу ждет нелегкая зимовка.

Но я, томясь на дальнем берегу,
к лихой зиме отращиваю крылья.
Я распростерла руки на бегу,
и жду сигнал — свое земное имя,
укутанное в голос, не узнать
который совершенно невозможно.
Как ослепляет снега белизна,
как холод осязаем тонкой кожей...
А в доме, знаю, тихо и тепло.
Пока моих шагов тебе не слышно.
Сквозь лампы раскаленное стекло
Свет льется на плетенье строчек книжных.

И я как будто спрашиваю вслух:
«Не страшно, не тоскливо здесь? Не больно?»
За окнами круженье белых мух —
предвестие метельной и спокойной
зимы, пришедшей вовремя, в снегу
и в переливах ледяных узоров.

...Я в мокрых хлопьях. Контур глаз и губ.
Глаза — для слез, уста — для разговоров.

Но нынче — день безмолвия и света.
Ты отвечаешь:
«Здравствуй».
Я вхожу.

Попроси не исчезнуть. Я смею быть здесь,
В твоём сердце и доме, пусть даже незримо.
Дорожает тепло, обесценена лесть,
И лицо обнажает тревогу без грима.
Все, что тленно, — рассыплется серой золой.

Город ночью оваян прохладною мглой,
Дышит легче и глубже, чем перед закатом.
Звезды вышиты тонкой стальной иглой.
Днем же воздух набит тополиною ватой —
И распорот — щекочет на вдохе ноздрю.

Я беспечна, над бездной, смеясь, я парю,
Но, как прежде, во мне побеждает земное.
Пестрокрылая бабочка льнет к фонарю,
Мне же нужен маяк — ведь внутри плещет море.
Не огня — лишь покоя в тебе я ищу.

Попроси, я останусь — и вечность прощу
За дорогу к тебе вдоль по осени грязной.
Я когда-то поставила в церкви свечу —
Осветила свой путь среди бед непролазных,
Если станет темно —
светом я поделюсь.

Сказочное

Мне говорят, что это — новый круг.
Но я не верю. Слышишь, я не верю.
Принцесса гладит холку, кормит с рук
нежного и ласкового зверя.

Пусть болью кровоточит каждый шаг,
русалочка идет навстречу принцу;
и, как бы ни противилась душа,
мы в каждой старой сказке повторимся.

Кого из очарованных, хмельных
являют нам кривые отраженья?
Мы выросли в серьезных и больших,
мы принимаем взрослые решенья...

Вчитайся же — не розовость чудес,
там каждый поцелуй оплачен горем.
Но я не представляю жизни без
не уstraшенных смертью двух героев.